

Жданович, Н.В. Представления о жизни и судьбе в поэзии первой половины XIX века / Н.В. Жданович // Весці БДПУ. – 2009. – № 1. – Серія 1. – С. 47-51.

УДК 408.53:8-1

Н.В. Жданович

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЖИЗНИ И СУДЬБЕ В ПОЭЗИИ I ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В поэзии множество образов, мотивов, сюжетов, однако на протяжении целого ряда столетий неизменными по частоте появления остаются так называемые «универсальные поэтические концепты» – *душа, жизнь, судьба*.

Жизнь – частотная лексема в поэзии первой половины XIX века, однако, в отличие от других концептуально значимых наименований, жизнь не имеет большого количества индивидуально-авторских определений.

По данным Словаря эпитетов русского литературного языка, *жизнь* характеризуют более 300 определений [1, с. 144-149]. В поэтической же речи первой половины XIX века жизнь вообще употребляется без определителей или ограничивается оценочными прилагательными *сладкая, милая, мрачная, унылая, чудная*. Чем обусловлен такой парадокс? Скорее всего, это связано с характером представлений о жизни у носителей языка. Хотя жизнь – абстрактное понятие, словарная дефиниция охватывает его основные семантические признаки: *жизнь* – 1) особая форма существования материи вообще; 2) физиологическое существование всего живого от зарождения до смерти; 3) время такого существования; 4) деятельность общества и человека в тех или иных ее проявлениях; 5) реальная действительность; 6) оживление, проявление деятельности, энергии [4, с. 190], а также 7) существование в развитии, в движении; 8) жизненный уклад, 9) рассказ о чьей-либо жизни, биография [5, т. 4, стб. 141-147]. В разных вербальных ситуациях актуализируются разные семы, однако полисеманτικότητα не мешает формированию адекватных представлений о жизни в сознании носителей языка. Именно поэтому ее обозначения являются достаточно устойчивыми.

В поэтической речи первой половины XIX века *жизнь* употребляется преимущественно в значениях ‘физиологическое существование человека’, ‘развитие чего-либо’, ‘жизненный уклад’, ‘окружающий мир, действительность’ [6, т. 1, с. 796-798].

Образная парадигма жизни включает несколько параллелей:

жизнь – путь: Мечты! – повсюду вы меня сопровождали // И мрачный жизни путь цветами устлала (Батюшков. Воспоминание); *Жизнь перешел*

до полдороги (Баратынский. Безнадежность) – основной мотив, который развивается всеми поэтами;

жизнь – пир: *Когда мы – гости молодые // У милой жизни на пиру – // Из полной чаши радость пили...* (Жуковский. К Воейкову);

жизнь – сосуд: *Без смерти жизнь не жизнь: // И что она? сосуд, Где капля меду средь полыни* (Батюшков. Подражания древним);

жизнь – горение (огонь – источник жизни): *Он застрелиться, слава богу, // Попробовать не захотел; // Но к жизни вовсе охладел* (Пушкин. Евгений Онегин);

жизнь – сон: *Прекрасный сон их жизни улетел* (Жуковский. Двенадцать спящих дев);

жизнь – поток: *Отуманенным потоком жизнь унылая плыла* (Жуковский. Жизнь); *Тут буду я! Тут, жизнь, теки* (Глинка. Карелия);

жизнь – поле: *А ты, когда вступаешь в осень дней, // Оратай жизненного поля...* (Баратынский. Осень); *жизнь – нива зол* (Капнист).

Эти образные параллели с более или менее значительными вариациями повторяются в пределах одного текста (стихотворения В.А. Жуковского «Жизнь», «К Воейкову»), в пределах идиостилия (например, у В.В. Капниста последовательно развивается мотив *жизнь – нива зол*; у Ф.Н. Глинки – *жизнь – горение, жизнь – борьба*), в контексте литературной эпохи (*жизнь – дорога, путешествие, жизнь – сосуд, жизнь – сновидение*). Благодаря повторяемости образов в поэзии складывается совокупность поэтических номинаций, эксплицирующих традиционные семантико-стилистические коннотации жизни (*чаша жизни, дорога жизни, праздник жизни; жизнь пылкая, горячая или, наоборот, холодная, остывшая; жизнь течет, идет* и т. п.), причем эти номинации могут быть реализованы в тексте одновременно: *Пусть остылой жизни чашу // Тянет медленно другой* (Пушкин. Н.И. Кривцову). Чаще наблюдаются семантические сближения жизни с понятиями *свет, надежда, праздник*, хотя в поэтической речи первой половины XIX века достаточно широко представлен мотив *жизнь – страдание* (В.В. Капнист, Е.А. Баратынский, М.Ю. Лермонтов, Ап. Григорьев): *земная жизнь – страдания питомец* (Жуковский) → *недуг бытия, жизнь – тягостный жребий* (Баратынский).

Образные соответствия жизни поддерживаются соответствующими эпитетами, и эти же соответствия мотивируют появление новых, потенциальных определений к данному дистрибуту. По нашим наблюдениям, в поэтической речи первой половины XIX века жизнь характеризуют 5 индивидуально-авторских эпитетов: *волнистая* (Глинка), *нечуждая* (Баратынский), *палящая* (Глинка), *скользящая* (Глинка), *сухая* (Бенедиктов).

Тут буду я! Тут, жизнь, теки!.. // О счастье жизни сей волнистой! (Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой). Индивидуально-авторское определение *волнистая* ассоциирует жизнь с морем. Возможно,

эпитет мотивирован литературной традицией словоупотребления: *О смертный! хочешь ли безбедно перейти // За море жизни треволненной? // Не буди горд: и в ветр попутный опусти // Свой парус, счастием надменной* (Батюшков. Подражания древним). С другой стороны, внутренняя форма прилагательного *волнистый* предполагает сближение его не только с волной, но и с волнением: *Жизнь для волненья дана: // Жизнь и волненье одно* (Баратынский. Мудрецу). Этимология прилагательного связана с древней глагольной основой **vьl-* – ‘волновать, приводить в движение’, ‘катиться’, ‘поворачиваться’. В контексте стихотворения его семантика неоднозначна: наряду с прямым значением ‘похожий на колеблемую волнами поверхность, волнообразный’, развивается переносное значение ‘связанный с волнением, причиняющий душевное беспокойство’. Таким образом, *волнистая жизнь* – это постоянно меняющаяся, непредсказуемая стихия, которая непосредственно связана с внутренним миром человека и его внутренним состоянием.

Традиционное уподобление жизни процессу горения лежит в основе индивидуально-авторского определения Ф.Н. Глинки *палаящая: Прохладна за могилой сень!.. // А здесь, а в сей палаящей жизни, // В сей бездорожной темноте, // Мы только бродим, как слепые!..* (Иов). Это потенциальное к данному дистрибуту определение органично вписывается в эпитетную систему поэта, ядро которой составляют «горячие» эпитеты: *огневой, огненный, кипучий, кипящий, палаящий*. Оно реализует мировоззренческую метафору *жизнь – битва (огонь и борьба)* и отвечает гражданскому пафосу лирики Ф.Н. Глинки в целом.

Наверное, самым неожиданным и самым оригинальным эпитетом жизни можно назвать определение *скользящая: Блажен, живущий в крове бога! // Не для него шумит гроза! // Не для него ловец-погибель // Хоронит под цветами сеть! // Он смелою стопою ходит по скользкой жизни...// О творец!* (К богу правды). О том, что жизнь представляется нам как путь, дорога, свидетельствуют не только поэтические тексты, но и устойчивые языковые выражения. В начале жизни человек получает *путевку в жизнь* (так говорят о поворотном моменте, открывающем новую дорогу, путь к полезной деятельности); когда человек совершает в жизни ошибки или его преследуют неудачи, о нем говорят, что он *сбил с пути*; когда человек умирает, его провожают *в последний путь*. Жизнь представляет собой некое движение, у которого есть начало (рождение) и конец (смерть). У каждого человека свои цели, свои задачи, свои возможности «передвижения», поэтому траектории движений различны. Метафора *жизнь – дорога* существует в сознании носителей языка, однако вербализоваться в тексте она может по-разному, в том числе и посредством эпитета *скользящая*. Языковая метафора мотивирует появление индивидуально-авторского определения: если *жизнь – дорога*, значит, она может быть *скользящей* – неустойчивой, ненадежной, опасной. Происходит перенос определения от одного понятия, для которого

актуализированный признак типичен (*скользящая* дорога), к другому, для которого этот признак не типичен, но потенциально возможен (*скользящая* жизнь).

Несмотря на то, что эпитеты *волнистая*, *скользящая* мотивированы разными метафорами, они позволяют представить жизнь как некую поверхность – неровную, подверженную колебаниям (= *волнистая*), таящую опасность для находящегося на ней (= *скользящая*).

Определение Е.А. Баратынского *нечуждая* жизнь является более предсказуемым, чем эпитеты Ф.Н. Глинки, поскольку вербальная ситуация как бы подготавливает его появление: *Чета голубиная, вея над сим человеком, // Блаженство любви прорицала. // В пустыне безлюдной он не был одним, // Нечуждая жизнь в ней дышала* (Приметы) – жизнь пустынных обитателей имеет много общего с жизнью лирического героя.

Реализация метафоры *жизнь – пир* прослеживается в стихотворении В.Г. Бенедиктова «Перед бокалами». Ассоциации, связанные с этим мотивом, лежат в основе образования нестандартного сочетания *сухая жизнь: Нет! Мы не в радости, мы и не в горе // Действуем вино в сем дружном соборе: // Жизнь лишь сухую сошлись окропить.*

Как показывают наблюдения, жизнь в поэтической речи первой половины XIX века практически не выходит за рамки традиционных представлений, закрепленных у носителей языка устойчивыми выражениями. Индивидуально-авторские эпитеты развивают эти представления, включая в образную парадигму жизни параллели *жизнь-стихия*, *жизнь-изменчивая*, *опасная поверхность*.

Еще одним значимым понятием в русской языковой картине мира является *судьба*. *Судьба – судьбина – рок – провидение* – эти слова и связанные с ними представления так или иначе возникают в нашем сознании и, хотя мы вряд ли можем дать развернутую, исчерпывающую характеристику каждому из них, вызывают целый ряд ассоциаций, опосредованных нашими эмпирическими знаниями и не всегда поддающимися рациональному объяснению.

Лексикографическое описание слова *судьба* весьма односторонне: *судьба* – это 1) стечение обстоятельств, не зависящих от воли человека, ход жизненных событий; 2) доля, участь; 3) история существования кого-/ чего-нибудь; 4) будущее, то, что случится, произойдет; 5) то, что суждено (в значении сказуемого) [4, с. 767], [5, т. 14, стб. 1163-1164]. Сходные признаки основного значения присущи синонимичным единицам: *судьбина* – несчастливая *судьба*, тяжелая *участь*; *рок* – несчастливая *судьба*, неблагоприятное стечение обстоятельств, наконец, *провидение* – высшая сила, управляющая судьбами людей. На основе словарных дефиниций можно выделить ключевые семы, которые являются общими для всех единиц этого

ряда: 'неизбежность', 'предначертанность', 'случайность', однако коннотативный ореол анализируемых слов различен.

«Судьбы Божьи неисповедимы», – читаем у В.И. Даля [2, т. 4, с. 356], и невольно вспоминается прецедентная фраза: «Пути Господни неисповедимы». Ассоциативная триада *судьба – высшая сила – Бог* смягчает (хотя и не снимает полностью) негативное восприятие судьбы как некой страшной силы и тем самым противопоставляет ее року как только злобному, неблагоприятному проявлению: *слепой рок, но мудрая судьба*. Посредством определений вербализуются сопутствующие данным словам коннотации и эксплицируется непосредственная оценка, которая как бы поляризует понятия *рок – судьба* в оппозициях *злое – доброе, несчастье – счастье*.

Обращение к Словарю эпитетов русского литературного языка подтверждает дифференциацию в сознании носителей языка понятий *судьба – рок* по шкале позитив – негатив:

рок – *беспощадный, враждебный, всесильный, гнетущий, грозный, железный, жестокий, злобный, злой, коварный, немилосердный, неумолимый, свирепый, слепой, страшный, суровый, тяжелый, ужасный, фатальный* [1, с. 378] – нет ни одного положительного определения;

судьба – с одной стороны, *безжалостная, безотрадная, беспощадная, горькая, грозная, жестокая, злая, зловещая, немилосердная, страшная, суровая, ужасная* – отрицательная характеристика понятия сближает его с роком (даже эпитеты в основном совпадают); с другой стороны, *благоволительная, благодатная, благосклонная, благословенная, блистательная, дивная, добрая, изумительная, красивая, милосердная, прекрасная, светлая, светозарная, славная, чудесная* [1, с. 434-435] – положительная оценка понятия противопоставляет его року.

Как видим из определений, *рок* имеет одностороннюю характеристику и устойчивую негативную оценку, тогда как слово *судьба* энантиосемично и наделяется прямо противоположными признаками: *злая / добрая, немилосердная / милосердная, страшная, ужасная / прекрасная, чудесная*. В отличие от синонимичных понятий (*рок, судьбина*), *судьба* может быть благосклонна к человеку и ассоциироваться со словом *счастье*.

Попытки осмыслить судьбу, познать тайну провидения идут издавна, несмотря на то, что древнее мифологическое сознание ассоциировало судьбу с чем-то непостижимым. «Непознанность» явления привлекает внимание к нему, этим, очевидно, объясняется частотность слова *судьба* в художественной речи вообще и в поэзии первой половины XIX века в частности.

Поэтический образ судьбы строится на общеязыковых представлениях, и эпитеты эксплицируют основные, присущие этому понятию, семантические признаки: *судьба – сила (добрая / злая), доля (хорошая / плохая), случай (неизбежный / возможный)*. Однако концептуализация судьбы неоднозначна, поскольку в ее определении есть противоречие: *судьба* как фатум

предполагает пассивность человека, подчинение и смирение; судьба как будущее, жизненный путь человека оставляет ему право повлиять на ход событий.

В произведениях каждого поэта есть упоминания о судьбе, судьба выносится в заглавие стихотворений, но наибольшее количество словоупотреблений характерно для Е.А. Баратынского: судьба (или синоним судьбина) встречается практически в каждом втором его стихотворении, а в некоторых произведениях частота словоупотреблений достигает 3-4 (особенно если учесть, что стихотворения этого поэта являются небольшими по объему). Нельзя сказать, что Е.А. Баратынский – фаталист. По словам А.С. Пушкина, мыслит он «правильно и независимо», чувствует «сильно и глубоко». Как философствующий романтик, Е.А. Баратынский отражает в своих произведениях то, над чем он размышляет. «Что мыслю, то пишу» – его поэтическое кредо. Естественно, Е.А. Баратынского интересуют тайны бытия и законы мироздания, поэтому понятие судьбы для него является особенно значимым.

В поэзии судьба не абстракция. Ее образ имеет различные персонификации, корни которого лежат в мифологии. В Древней Греции считалось, что судьбами людей ведают мойры, в Древнем Риме таким свойством обладали парки. Мойры и парки – богини судьбы, которых представляли в виде суровых и беспощадных старух. Им подчинялись не только все смертные, но и боги, несмотря на все их могущество [3, с. 329-330].

Персонифицированная судьба распространена и в поэзии первой половины XIX века. Она наделяется огромной силой и способностью манипулировать человеком (*судьба велит разлуку; судьбой наложенные цепи упали с рук моих; и на челе печали след судьбы рука запечатлела* (Баратынский) и т. п.), что эксплицируется устойчивой метафорой *прихоти судьбы*.

В поэтической речи первой половины XIX века *судьбе* сопутствуют преимущественно общеязыковые определения. Индивидуально-авторские эпитеты мы отметили только в произведениях Е.А. Баратынского (4), А.С. Пушкина (3), В.В. Капниста (1), К.Н. Батюшкова (1), В.А. Жуковского (1). Все редкие эпитеты представляют собой потенциальные к данному дистрибуту определения и дополняют образную парадигму судьбы новыми эмоционально-экспрессивными коннотациями.

Поэты наделяют персонифицированную судьбу признаками, которые репрезентируют человеческие качества и свойства: *глухая, недружная, ревнивая* (Баратынский), *разгневанная* (Батюшков), *строптивая* (Капнист), *угрюмая* (Жуковский).

Когда же с верою напрасной // Взываю я к судьбе глухой // И вскоре опыт роковой // Очам доставит свет ужасный, // Пойду я странником тогда // На край земли (Баратынский. «Я безрассуден – и не диво!») –

метафорический эпитет мотивирован персонификацией понятия. Семантика индивидуально-авторского определения неоднозначна: оно контаминирует прямое и переносное значения прилагательного (*глухой* – ‘лишенный слуха’ и *глухой* – ‘безразличный’). «Мерцание» смысла не исключает таким образом и мифологических ассоциаций, связанных с судьбой-старухой (старому человеку свойственна утрата некоторых способностей, в том числе и способности слышать). Судьба неумолима – она не слышит человека или не хочет слышать. Глухость и безразличие – потенциально присущие судьбе характеристики – эксплицируются авторским эпитетом.

В стихотворении Е.А. Баратынского «Смерть» появляется еще одно необычное определение судьбы: *Дружится праведной тобою // Людей недружная судьба. // Ласкаешь тою же рукою // Ты властелина и раба*. В языковой картине мира судьба хотя и может выступать как справедливая сила (она карает, но и дарует блага), ее никогда не ассоциировали с другом, поскольку в принципе невозможно соблюдение паритетных отношений между человеком и судьбой – судьба всегда стоит выше, над человеком. Посредством удачно подобранного определения Е.А. Баратынский актуализирует связанные с понятием основные семантические коннотации (*недружная* – ‘не способная дружить’, ‘враждебно настроенная’, ‘чужая’), а вербальная ситуация в целом подчеркивает ранжировку: соединить человека и судьбу может только смерть, стирающая всякие ранги и различия.

Неприветливость судьбы-старухи, ее враждебность человеку эксплицируются и авторским эпитетом В.А. Жуковского: *Печальный горький жребий мой! // Клянусь судьбу угрюму, // Дала мне крест тяжелый несть* (Жуковский. Громобой). *Угрюмая судьба* – ‘безотрадная’, ‘нерадушная’.

Как живое существо, судьба может гневаться, ревновать, упрямиться, действовать наперекор кому- или чему-нибудь, и это подчеркивается соответствующими определениями: *До самой старости преследуемый роком, // Но духом царь, не раб разгневанной судьбы, // Омир скрывается от суетной толпы* (Батюшков. Гезиод и Омир); *Но договор судьбы ревнивой // С прекрасным даром сопряжен, // И красоте самолюбивой // Тяжел, я знаю, будет он* (Баратынский. Кольцо); *Я тяжких не расторгну уз, // Которыми судьба строплива, // К ним щедра мать чадолюбива, // Мой скудный оковала дар* (Капнист. Зависть пиита). Параллель судьба – женщина, поддерживаемая мифологическими ассоциациями (судьба – богиня) и подчеркнутая грамматически (судьба, доля, участь, предопределенность – существительные женского рода), развивается в стихотворении В.В. Капниста в неожиданный для этого понятия образ – образ судьбы-матери.

Однако мотивация индивидуально-авторского эпитета может быть связана не с широкой трактовкой образа, а с использованием одного из вариантов истолкования традиционной схемы. Параллель *судьба – путь* почти не развивается в поэзии первой половины XIX века, но именно она мотивирует появление эпитета *блуждающая*: *Ты сохранил в блуждающей*

судьбе // Прекрасных лет первоначальны нравы: // Лицейский шум, лицейские забавы // Среди бурных волн мечталися тебе (Пушкин. 19 октября). Образ судьбы-странницы (*блуждающая* – ‘которая бродит в поисках дороги’, ‘странствующая’) связан с образом лирического «я», героя-скитальца, и реализацией традиционного поэтического мотива *жизнь – путь* (путь героя – ход жизненных событий).

Наверное, самым необычным определением судьбы в поэзии первой половины XIX века является *упругая судьба: Ты с верною супругой // Под бременем судьбы упругой // Живешь в любви* (Пушкин. Ода его сиятельству гр. Дм.Ив. Хвостову). Этот эпитет скорее всего лишен определенной мотивации, и в этом шутовском контексте явился следствием языковой игры (каламбур *супругой – упругой*).

Наши наблюдения показывают, что определения судьбы вписываются в уже существующие образные парадигмы и не столько выявляют новые признаки понятия, сколько обогащают его эмоционально-экспрессивными коннотациями. Это позволяет сделать вывод о том, что понятие судьбы у носителей языка достаточно статично. Благодаря эпитетам актуализируются авторские ассоциации и эксплицируются оценочные представления, отображающие особенности мировидения поэта и выявляющие его языковую личность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбачевич, К.С., Хабло, Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка / К.С. Горбачевич, Е.П. Хабло. – Л.: Наука, 1979.
2. Даль, В.И. Словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В.И. Даль. – М.: Изд-во «Русский язык», 1997.
3. Лосева, И.Н., Капустин, Н.С., Кирсанова, О.Т., Тахталич, В.Г. Мифологический словарь / И.Н. Лосева, Н.С. Капустин, О.Т. Кирсанова, В.Г. Тахталич. – Ростов на/Д.: Изд-во «Феникс», 1997. – 576 с.
4. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: «Азъ», 1995. – 696 с.
5. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950-1965.
6. Словарь языка Пушкина: В 4 т. – М.-Л.: ГИС, 1956-1963.